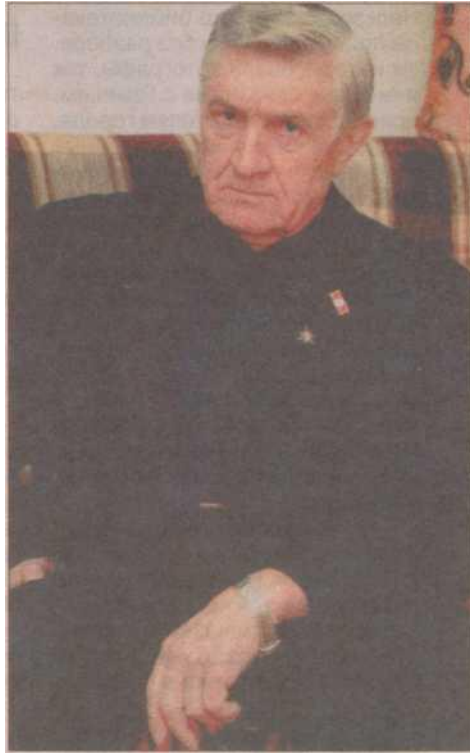

Черная метка забвения для Черного командора

Из простой крестьянской семьи, рано вкусивший самостоятельной жизни и познавший цену тяжелейшего шахтерского труда в Донбассе, белорус Петр Суман раскрылся как личность в службе ратной. Блестяще окончив Харьковское гвардейское высшее танковое командное училище (а потом и Академию бронетанковых войск имени маршала Р. Я. Малиновского), лучший выпускник использовал право выбора, где служить. Остановился на одном из лучших военных округов Советского Союза — Белорусском.

Суман, можно сказать, взлетал по военной карьерной лестнице. Все воинские звания получал досрочно. Старшим лейтенантом возглавил танковый батальон, а уже будучи подполковником и взяв под командование в 1980 году 31-й гвардейский танковый полк в Слуцке, за четыре года сделал из него одну из лучших в округе боевых частей. Как настоящий офицер жил и дышал армией, это были его плоть и кровь. Впереди виделась блестящая карьера. Но судьба распорядилась иначе.

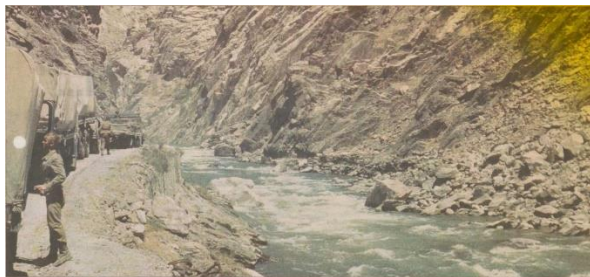
В начале лета 1983-го Суман получил назначение в Афганистан, в Баграм, командиром 285-го танкового полка. В боевых операциях участвовал с первых дней в качестве заместителя начальника оперативной группы 108-й мотострелковой дивизии. В задачи Сумана входило обеспечение взаимодействия подразделений всех родов войск. Но самое главное — оказание практической помощи командирам на переднем крае, если в ходе боя возникала ситуация не в их пользу. Вот здесь и проявилась тактическая грамотность и неординарность прибывшего из Белоруссии офицера. Суман выстраивал неожиданные и нестандартные комбинации боя, всегда реагировал на действия противника предельно жестко.

Требовательный к себе, он проявлял невиданный для многих военачальников такт в отношениях с подчиненными. Чего стоила только его тактика обучения, без ора, унижений, на личном примере: “Делай как я”. Поэтому неудивительно, что авторитет командира в полку был непререкаемым. Под командованием Сумана проведен ряд успешных операций в чарикарской зеленке, в окрестностях

крепости Саяд, в Махмудраки, Исталифе. По итогам 1983 года танковый полк Петра Романовича был признан лучшим в 40-й полевой армии. За глаза афганцы прозвали его Черным командором. И это было не из страха, а скорее, как дань восточного уважения перед блестящим офицером и порядочным человеком. Адушманские полевые командиры назначили за его голову солидные деньги: 800 тысяч афгани. Для примера, за подбитую советскую БМП платили 20. Там, где появлялся этот офицер, у моджахедов сразу возникали проблемы.

Военсоветом армии кандидатура подполковника Сумана была одобрена для непосредственного руководства силами по взятию Панджшерского ущелья. Командовал армейской операцией Маршал Советского Союза Сергей Соколов. Ранее два раза советские войска тщетно пытались овладеть этой обширной территорией — оплотом душманов, вотчиной полевого командира Ахмад Шаха Масуда. В рамках подготовки к операции Суман был поначалу откомандирован в Термез принимать пополнение — три мотострелковых батальона новой комплектации, по 520 человек в каждом. Что за кадры вливались в батальоны — отдельная тема: курсанты военных училищ, отчисленные за неуспеваемость и нарушения воинской дисциплины; спившиеся полковые музыканты; всевозможные “залетки” из тыловых частей; выловленные на пересылках раненые после госпиталей; офицеры, которые понятия не имели о боевом составе и слаживании в подобных подразделениях. Процветала дедовщина, которой потворствовали командиры. И с этим “воинством” предстояло идти навстречу четырем тысячам отлично вооруженных,

обученных и мотивированных бойцов Масуда. Но Петр Романович взялся за работу так, как привык это делать: основательно, целеустремленно, засучив рукава. Учеба шла круглые сутки. И действовал он настолько методически грамотно, что трудно было поверить: офицер вообще-то по специальности танкист, а не мотострелок. В итоге танковый полк Сумана трансформировался в 682-й мотострелковый, его еще называли Панджшерским. На общем фоне выделялся 1-й батальон, которым командовал капитан Александр Королёв. Там и отношения, и выучка были получше. Сам комбат, и это было отчетливо заметно, во всем старался походить на комполка, даже внешним видом. Батальон по фамилии командира стали называть “королёвским”

19 апреля началась операция. Полк Сумана постепенно втягивался в долину. Панджшер встретил передовые подразделения пустыми кишлаками и зловещей тишиной. Как потом станет известно, Ахмад Шах Масуд был неплохо осведомлен о “секретных” планах советского командования и хорошо подготовился. Даже население отвел подальше от мест возможных боевых действий. Когда в первые сутки операции пропали двое военных и обезглавленное тело одного из них вскоре нашли у тропы, Суман решил действовать по-иному: по Панджшеру ударила авиация. 360 боевых вылетов сделали свое дело.

Мотострелки уверенно пошли вперед, и через неделю долина была взята. Бандформирования Масуда оказались разгромлены.

Полк Сумана получил новую задачу — идти назад, по пути зачищая примыкавшие к Панджшеру ущелья. Одно из них, Хазара, 30 апреля должен был прочесать батальон Королёва. В Хазару вошли стандартно: одна из рот, а также минометчики, саперы — внизу, рота прикрытия — сверху, по господствующим высотам. А дальше произошло просто невообразимое. На комбата Королёва вышел по радиостанции командир дивизии генерал Виктор Логвинов и отдал приказ: прикрытию спуститься с гор вниз в целях ускорения продвижения. Преступный приказ, в нарушение всех боевых наставлений. И толковый офицер Королёв, понимая это, уперся. Тогда генерал обвинил капитана в трусости и пригрозил трибуналом. Для усиления сообщил, что командир полка Суман отстранен от командования батальоном.

Вот это была уже откровенная ложь. Никто комполка не отстранял. А далее все-таки спустившиеся с господствующих высот бойцы и их боевые товарищи внизу, выйдя на открытое место в ущелье, попали в хорошо организованную душманскую засаду. Установленные на высотах пулеметы буквально выкашивали личный состав “королёвского” батальона. Смертельное ранение получил и комбат Королёв. Неизвестно, сколько продолжался бы расстрел, потому что боем назвать творившееся в тот день в Хазаре трудно, не подоспей 3-й батальон Панджшерского полка под командованием майора В. Пудина. Его бойцы отогнали душманов. Примчавшийся на место трагедии

комполка увидел жуткую картину.

Двое суток Суман, комбат Пудин, три сапера и шесть разведчиков, почерневшие от горя, искали павших и укладывали тела в одном месте, чтобы забрать их потом вертолетами. 45 погибших — такой оказалась расплата за генеральскую спешку в бою.

За преступный во всех смыслах приказ нужно было отвечать. Судя по действиям командования, Суман понял: виновным в генеральских кровавых просчетах хотят сделать его. Петра Романовича вызвали в штаб округа для дачи объяснений. Но разговор состоялся только с военным прокурором. Суман подробно изложил, как было дело. И на этом всё. За четыре месяца ожидания приема командующим округа, тот так и не соизволил встретиться с Суманом. Генералы его избегали. Не было военного трибунала, ведь тогда всё выплыло бы наружу, и генералам пришлось бы отвечать. Потому как свидетель приказа через голову имелся — начальник связи полка Юрий Васюков. А еще преступный приказ слышал находившийся в то время в полку начальник связи армии генерал Кулагин. И они не побоялись сказать правду. Поэтому из штаба полка Сумана изъяли всю документацию по проведению операции, а самого его направили на целину... командовать полком "партизан", призванных помогать с уборкой зерновых. То есть вот так Родина оценила боевые заслуги офицера, лучшего командира полка, взявшего Панджшер.

Петр Романович получил назначение в Белорусский военный округ. Там на военной карьере Сумана попытались поставить жирный крест через парткомиссию. Ее собрали, не нужно гадать с чьей подсказки, с единственной целью:

обвинить офицера и исключить из партии. Но после речи специально прилетевшего на это мероприятие генерал-лейтенанта П. Крянгэ

(сослуживца Сумана по Афгану), кстати, принимавшего те самые новые батальоны в Термезе с Петром Романовичем, получалось, что подполковника не исключать, а

награждать высоким орденом нужно. В полном недоумении члены комиссии разошлись, так и не приняв решения.

Черная метка забвения, которую Черный командор получил после Хазары, делала свое дело. О дальнейшей карьере военного Суману можно было забыть. Его по-прежнему никто не хотел выслушать, а тем более что-то исправлять. Но никто ни в чем и не обвинял. Лампасная когорта, которая послала на верную смерть с полсотни парней

только в этой операции Афганской войны, уже покрыла пылью судьбу офицера. Да, Суман получил звание полковника, но это был потолок. Последняя его офицерская должность в армии — военный комиссар Железнодорожного района г. Гомеля. Да и как можно спокойно служить с таким грузом клеветы... Поэтому был инфаркт, клиническая смерть. А далее Суман уже как гражданский пять лет возглавлял Гомельский филиал МИТСО.

— Вот уже более 30 лет, — признался полковник запаса Суман, — я задаю себе один и тот же вопрос: за что несу такую кару? Я честный воин, честно и грамотно воевал. Как мог берег своих солдат и офицеров. Ведь Панджшер взяли без проблем, грамотно, четко, хотя это был сильно укрепленный район, оплот Ахмад Шаха Масуда.

То, что Суман не виновен, знают бывшие полковые сослуживцы Петра Романовича по Афгану. Они разыскали своего бывшего комполка, звонят, общаются, приезжают в гости, понимая, что командира подставили. О трагедии в ущелье Хазара снято несколько фильмов, вышли телепрограммы и газетные статьи. Бывший солдат “королевского” батальона, черниговец, ныне кандидат исторических наук профессор Юрий Русанов издал документальную книгу “В пасти Панджшера”, один из главных героев которой — Петр Суман. Это свидетельство уважения и любви подчиненных к командиру Панджшерского полка. В свои 72 Черный командор верит, что истина все же должна восторжествовать. Главное теперь — жить.

Вячеслав МИНКОВ
Фото Андрея ФЕОКТИСОВА
и из личного архива Петра
СУМАНА